ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Научная статья
УДК 39
DOI: 10.3792/3033-6015-2026-1-62-77

И. Р. Гарри

БУДДА РАБДАНОВ И «БОЛЬШАЯ ИГРА» В ТИБЕТЕ

Статья посвящена исследованию жизни и деятельности известного бурятского ученого, путешественника и общественного деятеля Будды Рабдановича Рабданова в контексте политики Российской империи в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Рассматриваются такие вехи жизни ученого, как путешествие в Восточный Тибет в составе экспедиции Г. Н. Потанина, работа редактором первой в России газеты на монгольском языке «Жизнь на восточной окраине» и российским агентом в г. Дацзяньлу (Восточный Тибет). Основное внимание обращено на роль Рабданова в так называемой «Большой игре», англо-русском соперничестве на азиатском континенте. В основу статьи положены документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ): дипломатическая переписка МИД по тибетскому вопросу и дневники Будды Рабданова «Путевые заметки богомольца» и «Год в Дацзяньлу». Делается вывод о том, что Будда Рабданов был многогранной личностью со сложной самоидентификацией: поклонником русской культуры, патриотом своей национальности и искренне верующим буддистом. Его биография позволяет глубже понять взаимосвязи и противоречия между «этническим партикуляризмом» и «имперским космополитизмом» в России на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Будда Рабданов, Восточный Тибет, «Большая игра», «Жизнь на восточной окраине», этнический партикуляризм.

Для цитирования: Гарри И. Р. Будда Рабданов и «Большая игра» в Тибете // Восточный азимут: экономика, социология, этнология. – 2026. – № 1(4). – С. 62–77. DOI: 10.3792/3033-6015-2026-1-62-77

I. R. Garri

BUDDHA RABDANOV AND THE “GREAT GAME” IN TIBET

The article is devoted to life and activities of the wellknown Buryat scholar, traveler and public figure Buddha Rabdanovich Rabdanov in the context of the policy of the Russian Empire in Transbaikalia and the Far East. It analyzes his main life periods, such as his trip to Eastern Tibet in the expedition of Georgii Potanin, working as the editor of Russia’s first newspaper in the Mongolian language “Life on the Eastern Outskirts” and as a Russian secret agent in Dajianlu, Eastern Tibet. The main attention is focused to the role of Rabdanov in the so-called “Great Game”, the Anglo-Russian rivalry on the Asian continent. The article is based on documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire: diplomatic correspondence of the Ministry of Foreign Affairs on the Tibetan issue and the diaries of Buddha Rabdanov “Travel Notes of a Pilgrim” and “A Year in Dajianlu”. The author argues that Buddha Rabdanov was a multifaceted personality with a complex identity: admirer of Russian culture, a patriot of his nationality and a devoted Buddhist believer. His biography allows us to better understand the relationships and contradictions between “national particularism” and “imperial cosmopolitanism” in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries.

Keywords: Buddha Rabdanov, Eastern Tibet, “Great Game”, “Life on the Eastern Outskirts”, ethnic particularism.

Введение

Для исследователей историков и социальных антропологов всегда представляли и будут представлять интерес личности, жившие и творившие в эпоху больших перемен. Такой личностью был Будда Рабданович Рабданов (1853–1923), бурят из Аги Забайкальского края, родившийся два с половиной столетия назад на далекой восточной окраине Российской империи и волею судьбы оказавшийся в эпицентре противоречий империалистических держав во Внутренней Азии. Будда Рабданов – один из самых малоизученных персонажей первого поколения образованных бурят. Говорят, что он

Гарри Ирина Регбиевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: ira.garri@yandex.ru. ORCID 0000-0003-2484-653X.

Garri Irina Regbievna – Doctor of History, Leading Researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). E-mail: ira.garri@yandex.ru. ORCID 0000-0003-2484-653X.

знал пять языков – монгольский, русский, китайский, тибетский и английский; путешествовал по Монголии, Китаю и Западной Европе, в Париже в музее Гиле прочитал лекцию о религии, нравах и обычаях монголов, китайцев и бурят, на которой присутствовал сам премьер-министр Франции Жорж Клемансо, и, ко всему прочему, был российским консулом в Восточном Тибете.

Насколько верны эти сведения? Кем был на самом деле Будда Рабданов? Какова его роль в так называемой «Большой игре», англо-русском соперничестве в Центральной и Внутренней Азии? В данной статье делается попытка реконструировать жизнь и деятельность Будды Рабданова в контексте политики Российской империи в Забайкалье и на Дальнем Востоке. В основу статьи положены документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), как то: дипломатическая переписка МИД по тибетскому вопросу [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1454] и дневники Будды Рабданова «Путевые заметки богомольца» и «Год в Дацзяньлу» [Там же. Д. 1449][1].

Будда Рабданов
[ЦВРК ИМБТ СО РАН.
Ф. М-1. Д. 1262]

Биографические сведения о Будде Рабданове чрезвычайно скудны. Его личный архив был полностью уничтожен в годы гражданской войны в Сибири. Упоминания о Рабданове содержатся в книгах Г. Н. Потанина [1899] и В. А. Обручева [1947] в связи с путешествием Потанина в Восточный в Тибет в 1893 г., в статье бурятского краеведа Д. Жигмитова о переписке Г. Ц. Цыбикова [1971]. Существует краткая биографическая записка под названием «Будда Рабданов, первый ученый из 8 агинских родов», написанная краеведом Даши Бубеевым старомонгольским письмом [ЦВРК. Ф. М-1. Д. 1262]. Есть очень интересный рассказ о Рабданове, точнее, о его письме Гомбожабу Цыбикову. Автором рассказа является С. Н. Марков [1973], писатель, исследователь российских путешествий в неизведанные края.

Р. Е. Пубаев впервые ввел в научный оборот дневники Рабданова о его путешествии в Дацзяньлу, хранящиеся в АВПРИ [1983]. Ж. Д. Доржиев и А. М. Кондратов упоминали Будду Рабданова в книге о Гомбожабе Цыбикове [1990]. Т. Л. Шаумян [2017] и А. И. Андреев [2006] – в контексте российской политики в отношении Тибета. Следует отметить, что основные биографические сведения в вышеназванных работах повторяют друг друга, различаясь лишь в деталях и так или иначе восходят к сведениям из работ Г. Н. Потанина и В. А. Обручева и агинских краеведов Д. Бубеева и Д. Жигмитова.

В биографии Будды Рабданова особый интерес представляет его служба в качестве «российского консула» в Восточном Тибете, его невольное участие в так называемой «Большой игре». Несмотря на то что это неплохо изученный период международной истории [Lamb 1966; Goldstein 1989; Шаумян 2017; Андреев 2006], еще многое остается в ней неясным, в т. ч. место и роль в этой «игре» местных акторов. Как справедливо отметила тибетолог Юдру Цому, «очень часто традиционные исследования приграничья придают наибольшее внимание имперскому государству или центрам силы как единственно важному историческому фактору, обусловливающему отношения между центром и периферией. При таком подходе в подобных исследованиях зачастую игнорируются локальные перспективы и отрицается субъектность (agency) обществ фронтира, поскольку их представители изображаются как пассивные объекты» [Tsomu 2015: XVIII]. Эта же мысль, только в несколько иной формулировке и в более широком историческом контексте, излагается нашими коллегами-историками: «В последнее время методологическим мейнстримом является изучение того, как традиционная культура используется в качестве строительного материала в процессах модернистского переформатирования различных сообществ. Сама традиция (как и ее носители) при этом становится пассивным объектом манипуляторских практик элит». При этом исследователи игнорируют или, во всяком случае, не уделяют достаточного внимания «обратному феномену: как традиция вписывалась и вплеталась в контекст

[1] Дело 1449 фонда «Китайский стол» АВПРИ, в котором находятся три тетради-дневника Рабданова, более не выдается архивом по причине его ветхого состояния. Однако они доступны исследователю. В 1980-х гг. копии дневников из архива сделал бурятский ученый Р. Е. Пубаев. В 2017 г. вдова ученого Х. Б. Базаржапова передала копии дневников в Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, где они ныне и хранятся (см.: [ЦВРК. ОАФ. Д. 2906]). Мы готовим эти документы к публикации.

модернизировавшихся обществ, меняя при этом исходный модернистский проект» [Интериоризация… 2021: 7].

Принимая во внимание вышеизложенную точку зрения, мы попытались рассмотреть русско-английское соперничество в Тибете сквозь призму жизни и деятельности Будды Рабданова, скромного служащего МИД. Это позволило нам по-новому взглянуть на лица и события той давней эпохи. Биография Рабданова ярко высветила бурятскую составляющую в тибетском вопросе, показав, что буряты были не только и не столько «колониальными работниками» империи, сколько основной движущей силой этих событий. Как оказалось, у бурят была своя собственная повестка, существенно отличавшаяся от российской имперской. В то время как МИД все свое внимание сосредоточило на Маньчжурию и борьбу с Японией, монархист Петр Бадмаев (1851–1920) отстаивал иную точку зрения. «Тибет – ключ Азии со стороны Индии… и японский вопрос – нуль в сравнении с вопросом тибетским», – заявлял он в памятной записке царю Николаю II накануне английского вторжения в Тибет и Русско-японской войны [За кулисами царизма… 1925: 110]. А советник Далай-ламы XIII Агван Доржиев (1853–1938) вынашивал идею создания на территории Внутренней Азии «панбуддийского» анклава под российским протекторатом. Будда Рабданов, оказавшись секретным агентом империи, сохранял в этой игре двойную лояльность: как по отношению к государству, дававшему ему работу, так и по отношению к своей национальности и вере. Биография Будды Рабданова позволяет глубже понять взаимосвязи и противоречия между «этническим партикуляризмом» и «имперским космополитизмом» в России на рубеже XIX–XX вв.

Будда Рабданов и путешествие Г. Н. Потанина в Восточный Тибет

Будда Рабданов родился в 1853 г. в местечке Дэлюун-Хунды, ныне с. Уронай Могойтуйского района Агинского Бурятского округа Забайкальского края, умер в 1923 г. Имел двоих сыновей, Цыдена и Цырена, и одну дочь [ЦВРК. Ф. М-1. Д. 1262]. Окончил Агинскую приходскую школу, Нерчинское уездное училище, затем несколько лет жил в Чите и продолжал образование. Согласно Ж. Д. Доржиеву и А. М. Кондратову, Будда Рабданов блестяще окончил Читинский пансионат, содержавшийся на средства Агинской степной думы, а затем три класса гимназии [1990: 18]. После окончания прослужил несколько лет в Забайкальском областном правлении переводчиком. Из-за конфликтов с начальством был вынужден покинуть Читу в 1789 г., уйти в отставку и вернуться в с. Агинское, где стал работать учителем в Агинской приходской школе [Там же]. Среди его учеников были такие известные бурятские деятели, как Гомбожаб Цыбиков (1873–1930), Цыбен Жамцарано (1881–1942), Базар Барадин (1878–1937) и Бато-Далай Очиров (1874–1913). Ученики звали его Будда-багши.

Всеми исследователями отмечается, что Будда Рабданов всегда стремился к учебе, был личностью незаурядной, ученым-самоучкой и просветителем, самостоятельно овладел китайским и тибетским языками, знал наизусть множество стихов русских поэтов, преклонялся перед памятью Ломоносова [Марков 1973б: 354]. Собирал пословицы, поговорки, занимался переводом, изучением русской классической литературы, учил грамоте сородичей, прививал своим ученикам любовь к русскому языку и литературе [Доржиев, Кондратов 1990: 19]. Из этих сведений одно, несомненно, преувеличено, а именно то, что среди прочих языков Будда Рабданов знал китайский и тибетский. Сам он в 1904 г. в своих «Путевых заметках богомольца» отмечал, что не владеет ими[1].

В нем было заложено большое стремление к познанию мира. Он побывал в Пекине, потом совершил путешествие по Монголии, посетил монастырь Табин-богдо-сумэ в горах Большого Хингана. Знаменательной вехой его биографии стало участие в экспедиции в Восточный Тибет супругов Потаниных, Григория Николаевича и Александры Викторовны, в качестве переводчика. Причем, по свидетельству В. А. Обручева, он согласился принять участие без всякого вознаграждения, только ради того, чтобы познакомиться со страной, в которой господствующей религией является буддизм [1947: 263].

[1] Когда Будда Рабданов приехал в Дацзяньлу, умер его переводчик Лубсан. В связи с этим он пишет в своем дневнике: «В монастыре нашли двух тибетцев лам, немного говорящих по-монгольски и даже побывавших у нас в Забайкалье. Мы приблизили этих двух лам, иначе не могли обходиться, не зная ни китайского, ни тибетского языка» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1449. Л. 100].

Обратившись к истории этого похода Потаниных, мы узнаем, что целью путешествия было изучение Восточного Тибета и провинции Сычуань. Путешественники осенью 1892 г. вышли из Кяхты, достигли Пекина. Следующим пунктом была столица провинции Шаньси – Сиань, затем Гуаньюань, Чэнду и, наконец, конечный пункт – городок Дацзяньлу, по-тибетски – Дарцедо, врата в Тибет. Можно представить, в каком восторге был степняк Рабданов, попав в банановые рощи Ячжоу и горные перевалы Сычуаньских Альп. В. А. Обручев, тоже участник экспедиции, писал: «Путь из Си-ань-фу в Сычуань Потанин и его жена совершили на носилках, а молодые члены экспедиции должны были ехать поверх вьюков на мулах. Рабданов был довольно тучен, и этот способ передвижения ему не улыбался; он предпочел весь этот путь сделать пешком, что оказалось полезным для его здоровья» [Обручев 1947: 264].

Сохранилось одно письмо Будды Рабданова, которое он написал своему ученику Гомбожабу Цыбикову, в то время только что окончившему гимназию в Чите[1]. Оно было написано на русском языке китайской тушью на восьми страницах, помечено 7 мая 1892 г., Дацзяньлу. Рабданов рассказывает в своем письме, что по пути в Восточный Тибет 16 марта 1893 г. он и Потанин, оставив своих путников в Ячжоу, двинулись в сторону г. Умишань, сначала на паланкинах, затем на бамбуковом плоту по быстрой р. Ятань. Достигнув Умишани, совершили восхождение на священную гору Омэйшань высотою в 6250 м. На склонах горы были расположены многочисленные буддийские монастыри, где путники могли получить пищу и ночлег, их Рабданов насчитал 23 [Марков 1973б: 355].

Когда Потанин и Рабданов начали свое восхождение, у подошвы горы зеленели деревья, земля была покрыта цветами, колосились хлеба. По мере подъема на склонах горы становилось прохладно, а затем стало холодно. Далее дорогу покрывал слой оледеневшего снега. Только к концу второго дня путники добрались до вершины горы и расположились в монастырской гостинице. Проснувшись рано утром, Будда Рабданов почувствовал, что он находится как бы на холодном острове среди моря. Внизу медленно, подобно волнам, ходили серые облака. На самом обрыве вершины стоял небольшой деревянный храм, а возле него два субургана, медные ступы [Там же: 356].

Г. Н. Потанин тоже описывал это восхождение на гору Омэйв в своем отчете об экспедиции и неоднократно упоминал Будду Рабданова. Так, во время остановки в одном из храмов перед рассветом их разбудило мерное пение: где-то монахи совершали богослужение. Рабданов тотчас оделся и ушел. Вскоре за ним последовал Потанин. В одном из храмов совершалась служба. Монахи-хэшаны чистыми голосами распевали «О-ми-то-фо», вереницей ходили по храму, совершали коленопреклонения. Потанин писал: «Необыкновенная обстановка так настроила моего товарища г. Рабданова, что когда хэшаны открыли шествие по храму, он присоединился к ним, ходил вместе с ними, сложив ладони над своей головой и пел: о-ми-то-фо. В самом деле трогательно было это стояние и молитва за род человеческий в глухую ночь, когда все остальное погружено в глубокий сон…» [1899: 21].

На вершине горы когда-то находился храм, изваянный целиком из бронзы. Но в него несколько раз ударяла молния и разрушила его. На его месте был построен новый храм, деревянный. В нем стояла небольшая статуя Пу-сянь-пусы (бодхисаттвы Гуаньинь). Потанин писал: «По поводу этой статуи у меня с моим набожным спутником г. Рабдановым обнаружилось несогласное мнение; я думал, что святыня была разрушена и новое произведение не заменяет ее, но мой спутник думал иначе; он говорил, что не существование в течение тысячи лет делают предмет святым, а вера миллионов людей, что это святой предмет, создает ему святость» [Там же: 24]. Это замечание ученого дает возможность ближе узнать суть характера Будды Рабданова.

[1] К сожалению, этого письма в нашем распоряжении нет. Об этом письме впервые упоминал агинский краевед Д. Жигмитов в статье «Переписка Г. Ц. Цыбикова» [1971: 65]. Согласно Жигмитову, это письмо находилось в личном архиве Цыбикова в доме его вдовы Лхамы Норбоевой. В статье не указано, куда попал архив Цыбикова после смерти его вдовы. В 1973 г. сведения об архиве Цыбикова появились в книге писателя С. Н. Маркова «Вечные следы», рассказывающей о путешествиях русских первопроходцев в дальние страны. Среди многочисленных рассказов в книге есть два, имеющие отношение к архиву Цыбикова: «Письмо из Восточного Тибета» [1973б] и «Дневник Гомбочжаба Цыбикова» [1973а]. Рассказ «Письмо из Восточного Тибета» посвящен данному письму Будды Рабданова. Не поясняя, каким образом письмо попало в его руки, С. Н. Марков рассказывает о перипетиях путешествия Потаниных и Рабданова в Восточный Тибет, пересказывает письмо и приводит из него целые отрывки. Надо сказать, что рассказ написан очень талантливо. Не вызывает сомнения, что он написан на основе подлинного письма Рабданова.

Прибыв в апреле в Дацзяньлу, путешественники остановились на тибетском постоялом дворе. Они хотели идти далее к тибетским областям Литан и Батан. Но 8 мая 1893 г. А. В. Потанину разбил приступ паралича, и эти намерения пришлось отложить. В Батан отправился спутник экспедиции В. А. Кашкаров. Сам Потанин вместе с Буддой Рабдановым посетил владение местного тибетского князя Чжала и несколько раз прошел по окраинам Восточного Тибета. «Оказывается, что мы теперь попали в такое ущелье, что ни назад, ни вперед и ни в стороны, – писал Рабданов в своем письме Цыбикову, – кругом снежные горы. Трудно будет нашей больной»[1]. Далее он сообщал, что, как только В. А. Кашкаров возвратится из Батана, вся экспедиция двинется на северо-восток – на Сумпань. Тем временем сам Рабданов собирался идти в Лхасу. В столице Тибета его должен был сопровождать один знающий человек, изучивший местные обычаи и бывший до этого в Забайкалье. Но Потанин, как пишет Рабданов, не захотел отпустить своего переводчика в такое долгое и опасное путешествие [Марков 1973б: 357] В конце письма Рабданов советовал своему земляку поступить в университет и просил юношу известить о своем решении. Из письма Будды Рабданова видно, что это он был первым, кто вдохновил Гомбожаба Цыбикова на востоковедные штудии и опасные путешествия. Прав был Даши Бубеев, назвав Рабданова «первым ученым из восьми агинских родов».

Петр Бадмаев и газета «Жизнь на восточной окраине»

После путешествия в Восточный Тибет Будду Рабданова постепенно затягивает в водоворот стремительно меняющейся жизни в России и Забайкалье в частности. Всколыхнул Забайкалье земляк Рабданова Петр Александрович Бадмаев (1851–1920), врач тибетской медицины и известный политический деятель. В феврале 1893 г., когда Потанин и Рабданов направлялись в сторону Восточного Тибета, Бадмаев представил царю Александру III через министра финансов Сергея Юльевича Витте (1849–1915) обстоятельную записку о задачах русской политики на Азиатском Востоке. Целью этой политики, согласно замыслам Бадмаева, должно было стать ни больше ни меньше «присоединение к России Китая, Монголии и Тибета» [За кулисами царизма… 1925]. Должно оно было начаться с захвата г. Ланьчжоу, находящегося на северо-западе Китая, который, по его мнению, является ключом к Тибету, Китаю и Монголии. Захват этого важного стратегического пункта должен был стать решающим моментом для захвата всего Китая, причем он представлялся сугубо мирным и намечался приблизительно через 3–5 лет, когда будет полностью подготовлена почва к восстанию местного населения против маньчжурской династии, гибель которой Бадмаев предрек в этой записке за 18 лет до ее действительного падения. После этого события предполагалось соединить Ланьчжоу железнодорожной ветвью с Байкалом. Бурятам в этом плане отводилась важнейшая роль. Будучи единоверцами с монголами и тибетцами, они должны были стать «пионерами» данного предприятия, тайно внедряться в «монголо-тибето-китайский Восток» и подготавливать почву к будущему восстанию и присоединению к России Китая в лучшем случае или данного региона по меньшей мере.

Сейчас этот план кажется фантастичным, но в то время Россия как раз вступала в империалистическую схватку за сферы влияния на азиатском Востоке, и подобных экспансионистских планов придерживалось немало политических деятелей России. В их числе был и министр финансов Витте, руководитель русской дальневосточной политики, который пролоббировал проект Бадмаева перед Александром III. В результате царь дал на него согласие и санкционировал выдачу Бадмаеву огромной суммы в 2 млн рублей на его осуществление. Получив ссуду, Петр Бадмаев немедленно взялся за осуществление своего плана. 11 ноября 1883 г. в Петербурге был основан «Торговый дом Бадмаев и К». Сам же Бадмаев отправился в Читу. Там «Торговый дом» организовал промысловое скотоводное хозяйство, закупил большое количество верблюдов для перевозки грузов, арендовал земли у бурят, открыл несколько лавок в степях и открыл в Чите типографию. Как раз в это время Будда Рабданов вернулся в Забайкалье из экспедиции Потанина и, что вполне очевидно, был первым кандидатом на роль «пионера» в проекте Бадмаева.

Скорее всего, Будда Рабданов отнесся к идеям Бадмаева с сочувствием, поскольку согласился сотрудничать в создании газеты «Жизнь на восточной окраине», открытой Бадмаевым в ноябре 1895 г.

[1] А. В. Потанина умерла во время экспедиции в сентябре 1893 г. Потанин с Рабдановым вернулись в Россию. Кратковременность этой экспедиции не позволила ей собрать много материалов. Небольшой отчет был напечатан в «Известиях Географического общества» в 1899 г.

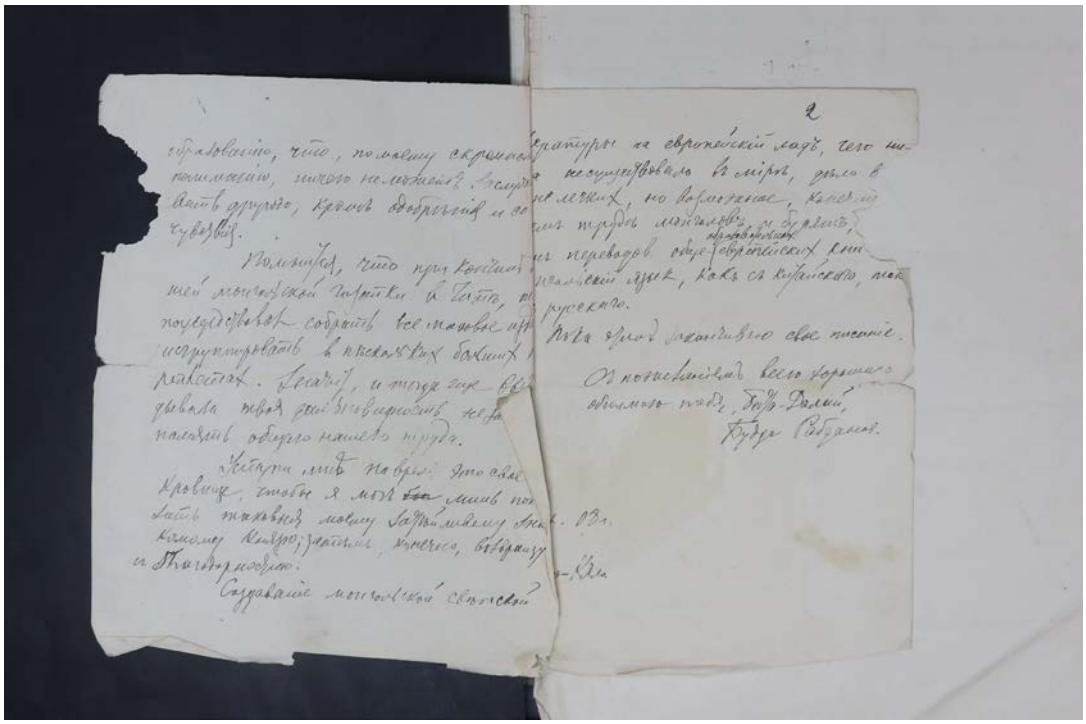
Газета выходила на двух языках – русском и монгольском, причем это было первое в России издание на монгольском языке. Рабданов стал редактором монгольской части газеты, автором и переводчиком ее материалов, а по мнению Ж. Б. Бадагарова, фактически главным ее редактором [2021: 16][1]. Как пишет Бадагаров, «вопреки распространенному мнению о том, что монголоязычная часть газеты является лишь переводом русской части, внимательное изучение материалов говорит о значительном количестве оригинальных статей, написанных на монгольском и затем переведенных на русский» [Там же: 17]. В этом вряд ли можно сомневаться, учитывая прекрасное владение Буддой Рабдановым русским языком. Ж. Бадагаров отмечает, что в редакции работала группа переводчиков и внештатных корреспондентов. «В результате такой с размахом поставленной работы было издано около 350 номеров газеты, из которых бурятский читатель имел возможность получать актуальную информацию о стремительно меняющимся мире. Рассматриваемая газета дает сверхценный языковой материал, уникальный для нашего региона» [Там же: 18].

Газета «Жизнь на Восточной окраине», № 1

Однако похоже, что всю эту грандиозную работу осуществила лишь горстка энтузиастов во главе с Буддой Рабдановым и Бато-Далаем Очировым, если только не они вдвоем. В Государственном архиве Республики Бурятия сохранилось одно короткое письмо Рабданова Очирову, помеченное 20 апреля 1908 г. Ввиду важности письма для характеристики личности Будды Рабданова приведем его полностью: «Дорогой Бато-Далай! При сем посылаю тебе монгольскую записку, составленную одним моим знакомым монгольским владетельным князем, стремящимся к просвещению своих монголов светскому образованию. Идея эта сама по себе весьма интересная. Нынешние затеи как помянутого князя, так и наших наранцев в Питере (имея в руках монгольские брошюрки), достаточно дают мне повод думать о том, что наступает время к возрождению монголо-бурятской светской литературы на встречу

[1] Мы благодарны Жаргалу Бадагарову, разрешившему ознакомиться с копией этого редчайшего издания.

западноевропейскому образованию, что, по моему скромному пониманию, ничего не может заслуживать, кроме как одобрения и сочувствия. Помнится, что при кончине нашей монгольской горстки в Чите, ты поусердствовал все таковое издание собрать и сгруппировать в нескольких больших решетах. Значит, и тогда еще выглядывала твоя дальновидность не забыть память общего нашего труда. Уступи мне на время это свое сокровище, чтобы я мог лишь показать своему заботливому знакомому князю, затем, конечно, возвращу с благодарностью. Создание монгольской светской литературы на европейский лад, чего никогда не существовало в мире, дело из не легких, но возможное, конечно, […] общем труд монголов и бурят, […]ством переводов, общеобразовательных, европейских книг [на] монгольский язык, как с китайского, так и с русского. Пока этим заканчиваю свое писание. С пожеланием всего хорошего обнимаю тебя, Бато-Далай, Будда Рабданов. 20 апр[еля] [19]08 г. Баин-Кяла»[1] [ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 857. Л. 1–1об.–2].



2–3 с. из письма Б. Рабданова Б.-Д. Очирову [Там же. Л. 1об.–2]

Из письма видно, кто стоял у истоков создания светского письменного бурят-монгольского языка. А «сокровищем» Очирова и Рабданова было не что иное, как их первое совместное детище – газета «Жизнь на восточной окраине». Что касается «кончины монгольской горстки в Чите», то она произошла, скорее всего, из-за прекращения финансирования властями бадмаевского проекта, а также потери авторитета Бадмаева у агинских бурят[2]. Два миллиона кончились, а новой ссуды еще в два миллиона рублей Бадмаев добиться не смог.

Несмотря на это, перемены на восточной окраине Российской империи уже было не остановить. Перестав работать в газете, Будда Рабданов сразу же включился в общественную жизнь Аги. В 1898 г. вместе с Намдаком Дылыковым он написал докладную записку приамурскому генерал-губернатору С. М. Духовскому о возможных переменах в жизни агинских бурят в связи с начавшимся строительством Транссибирской железной дороги, проходившей через Агинское ведомство [Жалсанова 2015: 33]. Строительство железной дороги, как отмечали авторы, оказало огромное влияние на быт агинского общества: появились новые промыслы и новые виды работ, а также торговцы и промышленники.

[1] Мы благодарим директора ГАРБ Б. Ц. Жалсанову за то, что она показала нам это письмо Рабданова и пояснила, что под «сокровищем» Будда Рабданов имел в виду газету «Жизнь на восточной окраине».

[2] Ж. Б. Бадагаров пишет, что отношения между Бадмаевым и Рабдановым испортились. Рабданов оставил работу в газете, и она перестала выходить на русском языке, что свидетельствует о его основной роли в издании газеты. Агинские буряты в своих общественных приговорах отмечали: «Бадмаев ныне не пользуется и не пользовался ранее среди бурят никаким уважением или нравственным влиянием», и «он потерял всякое доверие своих сородичей» (цит. по: [Жалсанова 2015: 32–33]).

«При развитии отношений с центрами России, с Маньчжурией и странами, лежащими на берегу Тихого океана, жизнь в Забайкалье сильно изменится и изменения эти всего более отзовутся на наименее подготовленной части населения – на кочевых и полукочевых бурятах, ведущих образ жизни, отличный от остального населения, наименее знакомых с теми порядками, которые введутся вместе с дальнейшим развитием тех новых хозяйственных условий, которые в зачатке сказываются уже и теперь», – отмечали Дылыков и Рабданов (цит. по: [Жалсанова 2015: 33]). Для приведения местного хозяйства с требованиями жизни авторы записки предлагали прежде всего развивать скотоводство, которое с вводом в действие железной дороги позволило бы организовать поставки мяса и молокопродуктов в другие регионы, а также поставлять лошадей для армии, а к земледелию приступить в столь неблагоприятном природно-климатическом районе, каковым являлось Забайкалье, предварительно усвоив самые первоначальные сельскохозяйственные занятия.

Агван Доржиев и «Большая игра» в Тибете

Не успел Будда Рабданов приложить свои усилия на общественном поприще своей родины, как ему снова пришлось отправиться в путешествие, на этот раз далеко на запад. Дело в том, что как раз к этому времени начал приносить свои плоды бадмаевский проект «тайного внедрения в монголо-тибето-китайский Восток». В своем докладе Николаю II о пребывании в Китае и Монголии от 15 января 1897 г., где он просил одобрить новую ссуду в 2 млн руб., Бадмаев писал: «Ко мне, в Читу, стали съезжаться буряты, монголы и главным образом ламы, которые в своих разговорах постоянно твердили, что наступило время расширения границ белого царя на Востоке, и указывали на тех влиятельных лиц в Монголии, Кукуноре, Тибете и в северном Китае, с которыми следует иметь сношения … Я, вполне доверяя тем сведениям, которые мне доставлялись, отправил в различные пункты Монголии, Кукунора, Тибета и Китая партии вооруженных бурят и монгол, при чем каждый посланный имел в своем распоряжении сумму денег, верблюдов, лошадей, товары и подарки» [За кулисами царизма… 1925: 104–105].

Похоже, что отправка в цинский Китай «партии вооруженных бурят и монгол» – это явное преувеличение со стороны Бадмаева. Однако доподлинным фактом является то, что еще весной 1895 г. «пионеры» Бадмаева, Очир Жигмитов и Дугар Ванчиков, добрались до Лхасы, где встретились с действительно авторитетным лицом в Тибете – бурятским ламой Агваном Доржиевым, который проживал в Тибете больше 20 лет и пользовался большим влиянием при дворе Далай-ламы XIII. Сразу же после их возвращения 22 апреля 1896 г. Бадмаев направил Витте письмо, в котором, ссылаясь на добытые его агентами сведения, утверждал, что Англия готовится к захвату Тибета, и предлагал немедленно отправить в Лхасу вооруженный отряд численностью в 2000 человек, чтобы «помочь тибетцам удержаться» [Там же: XXIII]. Витте, со своей стороны, с большой серьезностью воспринял это сообщение Бадмаева. Он обратился к Николаю II с докладом, в котором подчеркивал, что лично «придает огромное политическое значение» установлению торговых отношений с Тибетом через посредство торгового дома П. А. Бадмаева. Прося о вознаграждении Агвану Доржиеву, благодаря которому агенты Бадмаева были приняты в Лхасе, Витте писал 3 мая 1896 г.: «По своему географическому положению Тибет представляет, с точки зрения интересов России, весьма важное политическое значение. Значение это особенно усилилось в последнее время – ввиду настойчивых стремлений англичан проникнуть в эту страну и подчинить ее своему политическому и экономическому влиянию. *Россия, по моему убеждению, должна сделать все от нее зависящее, чтобы противодействовать установлению в Тибете английского влияния* (выделено В. П. Семенниковым)» [Там же: XXIII–XXIV].

Посещение Лхасы агентами Бадмаева стало предтечей так называемой «Большой игры», англо-русского соперничества на азиатском театре действий. Правда, остается вопрос, в какой степени планы Бадмаева и Доржиева, этих двух талантливых бурятских деятелей, соотносились друг с другом. Известно лишь, что Агван Доржиев смог получить в Забайкалье высочайший подарок, дорогие золотые часы [Доржиев 2006: 36], пожалованные ему летом 1896 г. в благодарность за услуги, оказанные агентам Бадмаева. Как бы то ни было, по прошествии полутора лет после визита бурят в Лхасу, в начале 1898 г. Агван Доржиев появился в России собственной персоной в качестве эмиссара Далай-ламы XIII Тубдена Гьяцо, в 1877 г. принявшего бразды правления над Тибетом.

Агван Доржиев был убежденным сторонником отторжения Тибета и Монголии от Китая и сближения этих регионов с Россией. Этой цели была посвящена его долгая неутомимая деятельность. И вполне очевидно, что в этом его цель совпадала с экспансионистскими планами Бадмаева. Однако эти

деятели по-разному видели будущность «монголо-тибето-китайского Востока». В то время как принявший православие монархист Бадмаев хотел установления прямого контроля России над регионом, буддист Доржиев мечтал о создании панбуддийского анклава под российским протекторатом. Надо сказать, что симпатии «бурятских пионеров» оказались на стороне последнего. С этого времени Будда Рабданов, Намдак Дылыков[1], Цокто Бадмажапов[2] и другие агенты Бадмаева перешли к Доржиеву и надолго связали свою жизнь с миссией эмиссара Далай-ламы.

Итак, Агван Доржиев прибыл в Россию морским путем – через Индию и Китай. Прибыв в Забайкалье, он направился по Транссибирской железной дороге в российскую столицу в составе бурятской депутации – тайши хоринских бурят Цедена Аюшиева, Намдака Дылыкова и Будды Рабданова, ехавших в Петербург для поднесения подарков императору. 27 февраля 1898 г. депутация была принята Николаем II в Зимнем дворце. Это была первая высочайшая аудиенция Агвана Доржиева. После нее он отправил Далай-ламе с калмыцким зайсаном Убаши Норзуновым (1873–1934) письмо и подарки, «описав подробно величие Государя Императора и вообще русского народа, критическое положение Китая, с присовокуплением, что сближение с Россией обещает для Тибета огромную будущность, а сам отправился в Западную Европу» [Доржиев 2006: 39]. Вместе с ним в качестве помощника отправился и Будда Рабданов. То, что он прочитал в Париже лекцию о нравах и обычаях бурят, монголов и китайцев, скорее всего, легенда, связанная с буддийским богослужением, которое Агван Доржиев провел в библиотечном зале Музея восточных искусств Эмиля Гимэ и на котором присутствовал будущий премьер-министр Франции Жорж Клемансо [Андреев 2006: 8]. После короткого вояжа в Европе путешественники вернулись в Петербург.

Нет сомнения, что появление Агвана Доржиева на российском горизонте оказало огромное воздействие на его буддийских соотечественников, бурят и калмыков, которые благодаря ему (а также Бадмаеву) оказались причастными к дальневосточной политике Российской империи, став «пионерами» или, вернее, агентами русского влияния на Востоке. Агван Доржиев также оказал немалое влияние и на политическую элиту российской столицы. Он проявил редкую для буддийских священнослужителей того времени способность завязывать политические контакты на всех, вплоть до высочайших, уровнях. Ему благоволили приближенные к царю Николаю II – князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921) и министр финансов Сергей Юльевич Витте (1849–1915). Он сблизился с представителями аристократических кругов, ученых-востоковедов и путешественников, тяготевших к Востоку и буддизму, так что к концу XIX в. в России образовалось своего рода «тибетское лобби», открыто выражавшее сочувствие тибетскому вопросу. Как раз в это время в Тибет были направлены путешественник П. К. Козлов (1863–1935) с экспедицией и бурятский ученый Г. Ц. Цыбиков, ученик Будды Рабданова. Вершиной дипломатической деятельности Агвана Доржиева стали возглавленные им официальные тибетские посольства, принятые российским монархом в 1900 и 1901 гг. в торжественных аудиенциях в Ялте и Петербурге соответственно [Доржиев 2006: 39].

«Российское консульство» в Восточном Тибете

Непосредственным результатом этих посольств стало обоюдное согласие сторон учредить российское консульство в Тибете. Что интересно, больше всего этого добивалась российская сторона[3], в то время как тибетская, политикой которой в то время была строжайшая изоляция страны от внешнего мира, скорее всего, даже и не помышляла об этом. Агван Доржиев, действовавший как официальный представитель Далай-ламы, смог убедить российскую сторону о крайней рискованности учреждения консульства непосредственно в Тибете[4] и предложил избрать для этой цели городок Дацзяньлу, находящийся между Тибетом и Китаем на пекинской почтовой дороге. Кандидатом на долж-

[1] Намдак Дылыков (годы рожд. и смерти неизв.) – известный бурятский общественный деятель родом из Аги, в 1905–1906 гг. служил переводчиком Далай-ламы XIII во время пребывания тибетского иерарха в Халха-Монголии.

[2] Цокто Бадмажапов (1879–1937) – известный бурятский деятель, из казачьего сословия кяхтинских бурят, бессменный участник экспедиций П. К. Козлова, первооткрыватель мертвого города Хара-хото, служащий МИД.

[3] Самым решительным сторонником сближения с Тибетом был кн. Ухтомский. Ламздорф, Витте и военный министр Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925) также считали, что покровительство Тибету может быть оказано лишь при учреждении русского консульства внутри страны [Доржиев 2005: 40].

[4] На рубеже XIX–XX вв. Тибет был самой закрытой страной в мире. Все попытки проникновения чужаков на тибетское плато встречались жесточайшей оппозицией как со стороны религиозной власти, так и светской. Лица, замешанные в связях с иностранцами, подвергались неминуемой смертной казни.

ность «консула» предлагался, как несложно догадаться, Будда Рабданов, уже побывавший в тех краях вместе с экспедицией Потанина.

Вопрос о создании российского консульства в Дацзяньлу начали обсуждать в МИД в августе 1901 г. По соображениям министерства целью учреждения консульства должно было стать установление непосредственных отношений между российским правительством и буддийскими властями Тибета. Однако при этом МИД подчеркивал «особый, секретный характер принимаемой меры» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1449. Л. 17]. По мнению Доржиева, российскому агенту следовало поселиться в одном из монастырей Дацзяньлу под видом богомольца. До установления прямых отношений с Лхасой Рабданов должен был поддерживать связь через специального тибетского агента и российское консульство в Ханькоу. Он должен был собирать сведения о Тибете, возможно, в дальнейшем даже пробраться в Лхасу, следить за деятельностью иностранных миссионеров, китайских властей в Сычуани и т. д. То есть Будда Рабданов посылался в Дацзяньлу от МИД в качестве секретного агента с разведывательной миссией. Учреждение консульства было лишь на бумаге. Его миссия была схожа с миссией его ученика Г. Цыбикова с тем лишь различием, что Цыбиков за год до путешествия Рабданова проник в Центральный Тибет по заданию Русского географического общества в основном в научных целях.

В Архиве внешней политики Российской империи сохранены письма и дневники Будды Рабданова, посланные им в российское консульство в Ханькоу. Здесь мы, наконец, имеем дело с прямыми источниками, принадлежащими перу Рабданова[1]. Благодаря этим документам мы имеем возможность проследить за опасным путешествием, совершенным им и его спутниками, переводчиком Лубсаном, умершим через неделю после прибытия в конечный пункт, и неким Цыдыповым, покинувшим Дацзяньлу в конце 1904 г.

Письмо Б. Рабданова в Первый Департамент МИД [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1449]

Так, в марте 1903 г. путники получили через российского консула в Урге Шишмарева один общий документ на монгольском и маньчжурском языках за печатью ургинских амбаней на имя трех монголов, отправляющихся на поклонение в Тибет [Там же. Л. 50]. Затем они выехали в Маньчжурию, далее в Хайлар, Пекин, Баодин, Утайшань, Тяньцзин. Оттуда проехали пароходом до Шанхая, затем до Нинбо, куда прибыли 1 мая. Оттуда на парусной лодке совершили путешествие на о. Путошань. Затем из Шанхая на пароходе добрались до Ханькоу и Ичана. Оттуда 19 июня 1903 г. началось их путешествие в Восточный Тибет. Путешественники сели на лодки и поплыли вверх по Янцзы и через 40 суток добрались до Ваньсяня. Оттуда на носилках прибыли 16 августа в Чэнду, столицу провинции Сычуань. Из Чэнду на носилках добрались до Дацзяньлу 3 сентября. Путешествие до конечного пункта заняло у путников около шести месяцев. В Дацзяньлу Рабданов прожил год, приблизительно до сентября-октября 1904 г.

Путешествие с самого начала омрачилось болезнью, а затем смертью переводчика Лубсана. Он умер на седьмой день после приезда путешественников в Дацзяньлу. Свирепствующая в городе холера окончательно погубила Лубсана. В итоге Рабданову пришлось довольствоваться помощью двух местных лам, говоривших по-монгольски. Рабданову приходилось соблюдать предельную осторожность, дабы не выдать своей иностранной принадлежности. В «Путевых записках богомольца» (20 декабря 1903 г.), где он резюмировал 4 месяца своего пребывания в Дацзяньлу, Рабданов писал: «Так как мы путешествуем в виде скромных богомольцев, то вообще наши расспросы и беседы с народом, дабы не подвергаться вниманию других, должны ограничиваться своею простотой и обыкновенностию, не слишком вдаваясь к чему-либо постороннему. Даже мы стара-

[1] Документы написаны крупным разборчивым почерком «набело» на хорошем, грамотном русском языке.

лись по возможности иметь с собою такие предметы, которые не могли возбудить подозрение интересующейся публики. Чтобы добиться узнать о чем-либо важном, непременно нужно пользоваться случайностью или действовать косвенно наводящим образом; для чего требуется осторожность и умение, это тем более среди китайцев и тибетцев, где каждым соблюдается строгое правило ограниченности, соответствуя своему положению» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1449. Л. 96–97].

Практически весь период своего пребывания в Дацзяньлу Рабданов тщетно дожидался тибетского связного, через которого должна была осуществиться его связь с Агваном Доржиевым. И лишь к лету 1904 г. такая связь появилась. Рабданов отправил Доржиеву письмо, в ответ последний просил его приехать в Тибет, на что МИД, по рекомендации российского посланника в Пекине Павла Михайловича Лессара (1851–1905), не дал разрешения. Так, Рабданов прожил целый год в Дацзяньлу в ожидании связи с Лхасой, выдавая себя за богомольца, попутно занимающегося небольшой торговлей. Можно представить, каково было Будде Рабданову в таких обстоятельствах[1]. Тем не менее насколько это было возможно, он наблюдал за местной обстановкой и регулярно посылал донесения в Ханькоу шифрованной почтой, которые затем передавались в Пекин посланнику Лессару.

В дневниках «Путевые заметки богомольца» и «Год в Дацзяньлу» Будда Рабданов подробно описывает свое путешествие до пункта назначения, сам город Дацзяньлу[2], положение в нем тибетцев, деятельность китайских чиновников, английских, французских и немецких миссионеров, быт и культуру местных тибетцев. Особое внимание обращает на положение буддийской религии, на жизнь монахов, князей и простолюдинов, подчеркивает самостоятельный характер тибетских женщин, пишет о монгольских и бурятских паломниках, о прохождении караванов из Сычуани в Тибет и т. д.

Интерес представляют наблюдения Рабданова за иностранцами, проживающими в регионе, и их отношениями с местными китайскими властями. В письме от 3 октября 1903 г. Рабданов пишет: «Туземное население в душе ненавидит миссионеров, новообращенных, но ничего не может поделать, так как миссионерам покровительствует здешний китайский начальник. Последнего даже называют христианином. После того как ныне летом китайские власти подвергли смертельной казни трех Литанских главных духовных вождей тибетцы страшно недовольны ими. Поэтому рано или поздно нужно ожидать серьезных недоразумений между ними», т. е. между китайцами и миссионерами, с одной стороны, и тибетцами, с другой. Что касается отношения местного населения к России и русским, то в «Путевых заметках богомольца» Рабданов отмечает: «Здешние тибетцы говорят, что Далай-лама расположен к русским как к единственному иностранному государству, покровительствующему буддизму, и в котором свободно пребывают много буддистов, чему лишь и предают особенно важное значение. Веяние это, видимо, исходит из Лхассы» [Там же. Л. 107].

Будда Рабданов обращает внимание на напряженную политическую обстановку в регионе: «В народе теперь есть такой слух, что будто бы по Тибету от Далай-ламского управления вышел строгий приказ о том, чтобы каждому тибетцу, от 17 до 50 лет, готовиться к войне, что может быть в будущем году; тоже будто бы в Лхасе покупают много лошадей как бы для военной надобности, а также везде идет заготовка провианта. Кроме того говорят, что Далай-лама из крупных своих сановников четырех человек устранил от должности и предал их к суду, будто бы за тайное их сношение с англичанами. Насколько правдив этот слух, конечно, трудно пока сказать, но нужно думать, что теперь в Лхасе идут серьезные разговоры вообще по поводу политики» [Там же. Л. 110–111].

И действительно, Будда Рабданов оказался на тибето-китайском приграничье в самый разгар «Большой игры». Посещения Агвана Доржиева Санкт-Петербурга и аудиенции с царем вызвали большой переполох в индийском правительстве, которое решило, что Россия собирается захватить Тибет посредством бурят[3]. Для противодействия мнимой российской угрозе вице-король Индии лорд Джордж Керзон (1899–1906) направил в Тибет вооруженную экспедицию под началом полковника Фрэнсиса Янгхазбенда (1863–1942), непосредственной целью которой было склонить Далай-ламу к

[1] Писатель С. Н. Марков отмечал, что, по словам современников Рабданова, он часто им писал из Дацзяньлу, неизменно жалуясь на тоску по родине [1973б: 357]. Неизвестно, насколько это сообщение действительно.

[2] «Город этот выглядит далеко мрачным и малолюдным, сравнительно с прежним, хотя стечение народа такое же, как прежде» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1449. Л. 100–101].

[3] Агван Доржиев писал в автобиографии: «Было известно, что английские газеты, осведомившись из русских источников о приеме меня в 1900 г. в Ялте, стали печатать статьи, что, прежде чем Россия возьмет Тибет через бурят, возьмет его Англия чрез посредство Непала» [2005: 40].

переговорам с Великобританией[1]. Рабданов еще был в Дацзяньлу, когда английские войска вошли в Лхасу 3 августа 1904 г. Однако Далай-лама, к огромной неожиданности как англичан, так и китайских властей в Тибете, бежал вместе с Агваном Доржиевым в Монголию в целях обретения российской поддержки против английской интервенции.

Далай-лама прибыл в Ургу в ноябре 1904 г. Казалось бы, его прибытие прямо в зону российского влияния полностью соответствовало экспансионистским планам России. Однако к этому времени ситуация в корне изменилась. Россия вступила в войну с Японией, и тибетский вопрос отошел на задний план. Тибетское лобби в лице Генерального штаба, востоковедов и, главное, бурятских буддистов было за предоставление открытой помощи Далай-ламе против Англии и Китая. Будда Рабданов писал в МИД по данному поводу: «… прибытие его [Далай-ламы] в настоящий момент в Ургу – есть прямой результат успеха миссии Агвана Доржиева, равносильный тому, что хамбо Доржиев якобы представил Далай-ламу, вместе с последователями ламаизма, прямо-таки в русские руки, что теперь как бы дело лишь за нами» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1449. Л. 153]. Однако МИД России в лице посланника Лессара и министра иностранных дел Владимира Николаевича Ламздорфа (1844–1907) был против такой точки зрения и не хотел ввязываться в тибетский вопрос, прежде всего из-за крупных проблем на русско-японском фронте.

Тем не менее Агван Доржиев и его «агенты» предприняли все возможные усилия для изменения ситуации, но, как окажется впоследствии, тщетно. Прежде всего Агван Доржиев и хамбо-лама Чойнзон Иролтуев (1843–1918), который лично прибыл в Ургу во главе многочисленных бурятских буддистов для приветствования тибетского иерарха[2], постарались призвать в Ургу своих преданных «агентов» Будду Рабданова и некоего Гомбоева[3], на что испрашивали разрешение властей. Однако российское правительство не доверяло Доржиеву и Иролтуеву, подозревая их в своей собственной игре. Лессар докладывал Ламсдорфу по этому поводу следующее: «Нет сомнения, что Иролтуев, Доржиев и другие имеют в виду вызвать большое движение среди монголов по поводу прибытия Далай-ламы в Ургу. Все эти личности, не осведомленные с настоящим политическим положением, надеются, что если им удастся вовлечь Россию в эти дела, то они будут в состоянии осуществить самые широкие, вероятно, мало обдуманные планы, не говоря о том, что вследствие обыкновенной алчности, многие из них более всего думают о возможности получения субсидии от России. В результате неизбежно произойдут волнения, весьма нежелательные для нас и вероятно гибельные для самого Далай-ламы. Всякий из телеграфирующих старается приблизить к делу всех хороших близких знакомых русских монгол, между тем как для нас необходимо решение его с *русской точки зрения и русскими задачами на Дальнем Востоке, если наилучше достигались бы*» (выделено нами. – *И. Г.*) [Там же. Д. 1454. Л. 44][4].

Для проведения этой русской точки зрения Лессар вместо Будды Рабданова продвигал Владимира Любу (1861–1928), который впоследствии станет генеральным консулом в Урге и ответственным исполнителем российской политики в отношении Далай-ламы. Что касается Рабданова, то Лессар в секретной телеграмме от 2/15 ноября 1904 г. так докладывал о нем Ламздорфу: «В настоящее время трудно окончательно высказаться в пользу прибытия Рабданова в Ургу, как ходатайствует Доржиев. Он был послан в Дацзянлу исключительно в виду того, что сношения с Тибетом через русского агента были невозможны и требовалось назначение, которое не вызвало бы со стороны других Держав такой же меры. Приезд в Ургу может нарушить секретный характер положения Рабданова и он был бы уже не пригоден, если бы впоследствии пришлось снова когда-либо послать его в Лхасу или даже для наблюдения за тибетскими делами из пограничных мест. С другой стороны, если от Рабданова не бы-

[1] Керзон неоднократно пытался завязать контакты с тибетским первосвященником, однако тот возвращал все письма вице-короля нераспечатанными.

[2] Аудиенция хамбо-ламы у Далай-ламы состоялась 18 ноября 1904 г.

[3] Скорее всего, имеется в виду Николай Гомбоев (1837–1906), младший брат хамбо-ламы Дампила Гомбоева (1831–1896), начальник русской почты в Пекине. Был женат на Екатерине Старцевой (1844–1927), дочери декабриста Николая Бестужева (1791–1855) и матери-бурятки, принял православие, сменил имя Найдан на Николай – по неопубликованной статье Аюра Жанаева [Zhanaev, forthcoming 2026]. Мы благодарны Аюру Жанаеву за предоставленный материал.

[4] Секретная телеграмма Лессара от 11 ноября 1904 г. На документе помета царя: «К докладу».

ло других донесений, которые известны Миссии, то польза его содействия вообще сомнительна, так как в донесениях этих не было интересных сведений. Сноситься с Далай-ламой в Урге будет чрез Доржиева наш консул [Люба] и, трудно сказать, будет ли ему при этом полезен лишний посредник. Будет и без того нелегко достигнуть, чтобы Доржиев неуклонно исполнял указания ИМПЕРАТОРСКОГО Правительства, непосредственно передаваемые. Едва ли будет преувеличением сказать, что бывший неблагоприятный для нас оборот дел в Тибете в сильной степени зависит от Доржиева» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1454. Л. 34].

Насчет Гомбоева Лессар выражался следующим образом: «Что касается Гомбоева, то судя по его действиям здесь, он совершенно не пригоден для русского дела» [Там же]. В итоге ни тот, ни другой так и не появились в Урге. Агвану Доржиеву и Далай-ламе пришлось полагаться на других агентов: Намдак Дылыков, Цокто Бадмажапов, Дабданов, Бимбаев и Жигмит Галсанов[1], оказавших неоценимые услуги тибетскому иерарху в его добровольном изгнании.

Двухлетнее пребывание Далай-ламы в Монголии (1904–1906) в конце концов закончилось ничем. Он так и не получил открытой поддержки России. После поражения в войне с Японией МИД решил окончательно устраниться от ввязывания в тибетской вопрос и пойти на сближение с Великобританией. Переговоры были начаты летом 1906 г., когда Далай-лама был еще в Монголии, и закончились подписанием в 1907 г. совместного договора, в котором стороны обязались уважать суверенитет Китая над Тибетом и не вмешиваться в его внутренние дела. Поэтому вопреки чаяниям тибетской и бурятской сторон российское правительство начало сокращать тайную поддержку, оказываемую Далай-ламе. И в первую очередь это касалось «агентов» Далай-ламы. В секретной телеграмме Александра Петровича Извольского (1856–1919) (сменившего на посту министра иностранных дел Ламсдорфа) Алексею Дмитриевичу Покотилову (1879–1904) (сменившего на посту посланника Лессара) (18 сентября 1906 г.) мы читаем: «Необходимо устранить всякие поводы к подозрению в том, что мы поддерживаем какие-то тайные сношения с Далай-ламой. С этой точки зрения нельзя не отнестись отрицательно и к сообщенному вами в телеграмме за № 652 ходатайству Первосвященника об оставлении в его распоряжении на тибетской службе Бадмажапова, Бимбаева и Галсанова. Данный Вами по этому поводу уклончивый ответ едва ли может оградить нас от возможных случайностей, и я просил бы Вас не отказать в принятии необходимых мер в тому, чтобы положить предел отношениям названных бурят и Далай-ламы» (цит. по: [Ломакина 2001: 228])[2].

Так, все «агенты» Далай-ламы были друг за другом устранены, начиная с Намдака Дылыкова, несмотря на многочисленные ходатайства Агвана Доржиева, который просил власти разрешить им сопровождать тибетского главу неофициально в качестве буддийских паломников. Последняя просьба Доржиева разрешить Будде Рабданову сопровождать Далай-ламу частным образом в качестве паломника была также отклонена. Инесса Ломакина в книге «Великий беглец» отмечала по этому поводу: «С редкостным долготерпением, которое испытывали российские дипломаты, служил Агван Доржиев Далай-ламе, прилагая все усилия к тому, чтобы облегчить его участь в добровольном изгнании» [Там же: 230]. В октябре 1906 г. все «агенты» Далай-ламы, включая Хамбо-ламу Иролтуева и Агвана Доржиева, соберутся вновь в Верхнеудинске и будут решать, как им дальше помогать Далай-ламе. Но это уже другая история[3].

Что касается Будды Рабданова, то достоверные сведения о его дальнейшей судьбе опять исчезают. По сообщению писателя Маркова, Будда Рабданов поселил в своем доме участника трех экспедиций Потанина – хара-егура[4] Лобсына. Скромный домик Рабданова был весь завален тибетскими, китайскими, монгольскими книгами, рукописями, предметами искусства. Но весь этот домашний музей

[1] Нам очень мало известно об этих личностях. Их фамилии часто фигурируют в документах МИД. Согласно составителям книги «Россия и Тибет» [2006: 103], они являлись секретными агентами МИД. Дабданов был, по всей видимости, связующим звеном между Далай-ламой и Агваном Доржиевым. Бимбаев был старшим переводчиком пограничного комиссара Генке [Ломакина 2001: 160].

[2] Секретная телеграмма Покотилову в Пекин, 18 сентября 1906 г.

[3] После отъезда Далай-ламы из Халха-Монголии бурятские «агенты» продолжали помогать Далай-ламе неофициально. МИД закрыл на это глаза под предлогом того, что это связанная с религией частная деятельность бурят. На самом деле власти намеревались использовать и Далай-ламу, и бурят в своих новых планах в Халха-Монголии.

[4] Хара-егуры, или кара-уйгуры, – *черные уйгуры*, этнографическая группа, проживавшая на территории провинции Ганьсу в Китае.

после смерти исследователя был расхищен. Марков заканчивает свой рассказ о Будде Рабданове следующим сообщением, переданным ему учителем Агинской средней школы Цыбикжабом Балдано. В 1912 г. Балдано бежал из дома, чтобы поступить учиться. На станции Могойтуй к нему подошел полный пожилой бурят с «китайскими» усами. Ласково расспросив беглеца о том, кто он такой, старик посадил мальчика в вагон и повез «бурятского Ломоносова» в Читу. Пожилым человеком был Будда Рабданов, сделавший все для того, чтобы подросток был принят в читинскую школу [Марков 1973б: 357–358].

Согласно записке Даши Бубеева, во время Русско-японской войны 1905 г. он работал в г. Хайларе по поставке лошадей [ЦВРК. Ф. М-1. Д. 1262]. Тогда же он будто бы изучил брошюру «Свободная печать» и начал пропагандировать среди бурят революционные идеи. Накануне революции Будда Рабданов потерял авторитет у агинских и цугольских лам, стал говорить, что «старый строй изменится и наступит новая жизнь, что ламы, которые правят религией, нойоны, которые правят властью, богачи, которые владеют большим богатством, навряд ли будут долгое время жить по-старому и что владеть индивидуально большим богатством будет очень затруднительно, в будущем люди будут трудиться вместе кооперативно, и настанет время заниматься хлебосеянием и т. д. Поэтому местные ламы и нойоны, особенно ламы Цугульского дацана, сильно невзлюбили Будду Рабданова, стали говорить, что он стал слаб умом и что у него началось старческое умопомрачение». Умер Будда Рабданов весной 1923 г. в возрасте 70 лет.

Заключение

Будда Рабданов был одним из первых уроженцев агинской степи, получивших «русское» образование в гимназии, в совершенстве овладел русским языком, работал в российских государственных учреждениях и научных экспедициях. Можно сказать, что он был одним из многочисленных «работников империи», вовлеченных в процесс российской колонизации Сибири и Внутренней Азии. Вместе с тем он был верующим буддистом, знатоком бурятского и монгольского языков, собирателем бурятского фольклора, сельским учителем, «первым ученым восьми агинских родов». Его учениками были такие известные бурятские деятели, как Гомбожаб Цыбиков (1873–1930), Цыбен Жамцарано (1881–1942), Базар Барадин (1878–1937) и Бато-Далай Очиров (1874–1913). Их первый учитель, скорее всего, именно он воспитал у своих учеников стремление к знаниям, любовь к родине и верность государству. Такие люди были наиболее востребованы временем и обществом, и особенно много их оказалось среди агинских бурят.

Биография Будды Рабданова позволяет глубже понять взаимосвязи и противоречия между «этническим партикуляризмом» и «имперским космополитизмом» в России на рубеже XIX–XX вв. Будда Рабданов был многогранной личностью со сложной самоидентификацией: поклонником русской культуры, патриотом своей национальности и искренне верующим буддистом. Эти идентичности гармонично уживались в личности Рабданова. Чуждый национализму, имперскости, религиозному фанатизму, он не был типичным представителем своей эпохи. В эпоху турбулентных перемен он шел по жизни, принимая различные культурные миры, оставаясь верным и долгу службы, и национальным привязанностям.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Монгольский мир в исторических проекциях: взаимодействие культур и цивилизаций после распада империи до современности») № 126020516676-6.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ): ф. Китайский стол, оп. 491, д. 1449 (По возбужденному посланцем Далай-ламы Хамбо Агваном Доржиевым вопросу об учреждении русского консульства в Тибете в Да-цинлу; О назначении Рабданова в Сычуане / драгоманом штатного агентства на Д. Востоке); д. 1454 (О приезде Далай-ламы в Ургу и разная переписка по сему предмету с Императорской миссией в Пекине и Консульством в Урге).

Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН): ОАФ, д. 2906 (Пубаев Р. Е. Дневники путешествия Будды Рабданова в Восточный Тибет (1903–1904)); ф. М-1, д. 1262 (Бубеев Д. Краткая записка о Буде Рабданове, первом ученом из 8 агинских родов).

Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России / А. И. Андреев. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2006. – 464 с.

Бадагаров Ж. «Дурназаха хизаарайажатүрэл» сонинтобэшэг» – Буряад-Монголойниигэм, уластүрэ, хэлэнэйоршонүежэлтэнанханайалхам [Бурят-монгольская газета «Жизнь на Восточной окраине» – первый шаг к модернизации языка и общества] / Ж. Бадагаров // Үнэнүүргэ [Высокая миссия]. – Улан-Удэ: Буряад үнэн Хэблэлэй байшан, 2021. – С. 16–32.

Доржиев А. Автобиография / А. Доржиев // Россия и Тибет: сб. рус. арх. док., 1900–1914. – М.: Вост. лит-ра, 2005. – С. 36–43.

Доржиев Ж. Д. Гомбожаб Цыбиков / Ж. Д. Доржиев, А. М. Кондратов. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – 240 с.

Жалсанова Б. Ц. Намдак Дылыков – видный бурятский общественный деятель конца XIX – начала XX в. / Б. Ц. Жалсанова // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2015. – № 4(20). – С. 27–42.

Жигмитов Д. Переписка Г. Ц. Цыбикова / Д. Жигмитов // Новости Агинских краеведов. Записки Забайкальского филиала Географического общества СССР. Вып. 1. – Чита, 1971. – С. 63–72.

За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева / под ред. и со вступ. ст. В. П. Семенникова. – Л., 1925. – 175 с.

Интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920–1930 гг.) / отв. ред. Б. В. Базаров; науч. ред. А. М. Плеханова. – Иркутск: Оттиск, 2021. – 416 с.

Ломакина И. Великий беглец / И. Ломакина. – М.: Дизайн. Картография. Информация, 2001. – 288 с.

Марков С. Н. Дневник Гомбочжаба Цыбикова» / С. Н. Марков // Вечные следы. – М.: Молодая гвардия, 1973а. – С. 381–385.

Марков С. Н. Письмо из Восточного Тибета / С. Н. Марков // Вечные следы. – М.: Молодая гвардия, 1973б. – С. 353–358.

Обручев В. А. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность / В. А. Обручев. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. – 192 с.

Обручев В. А. Путешествия Потанина / В. А. Обручев. – М.: Молодая гвардия, 1953. – 192 с.

Потанин Г. Н. Очерк путешествия в Сычуань и на восточную окраину Тибета в 1892–1893 гг. / Г. Н. Потанин – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1899. – 106 с.

Пубаев Р. Е. Дневники путешествия Будды Рабданова в Восточный Тибет (1903–1904 гг.) / Р. Е. Пубаев // Историко-культурные связи народов Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1983. – С. 21–28.

Россия и Тибет: сб. рус. арх. док-тов, 1900–1914. – М.: Вост. лит-ра, 2005. – 232 с.

Ухтомский Э. Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет / Э. Ухтомский. – СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1904. – 129 с.

Шаумян Т. Л. Россия, Великобритания и Тибет в «Большой игре» / Т. Л. Шаумян. – М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2017. – 174 с.

Goldstein M. C. A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State / M. C. Goldstein; with the help of Gelek Rimpoche. – Berkeley: University of California Press, 1989. – 898 p.

Lamb A. The McMahon Line: A Study in the Relations between India, China and Tibet, 1904 to 1914: in 2 vol. / A. Lamb. – London: Routledge & Kegan Paul Toronto: University of Toronto Press, 1966. – 656 p.

Tsomu Y. The Rise of Gönpo Namgyel in Kham: The Blind Warrior of Nyarong (Studies in Modern Tibetan Culture) / Y. Tsomu. – Lanham, Lexington Books, 2015. – 402 p.

Zhanaev A. Marginal diplomacy at the twilight of empires: the case of Tsogto Badmazhapov (1879–1937) and the Alasha Banner of Inner Mongolia / A. Zhanaev // Inner Asia. – 2026. – Vol. 28.2. (forthcoming 2026)

References

Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI): f. Kitajskij stol, op. 491, d. 1449 (Po vozbuzhdennomu poslancem Dalaj-lamy Hambo Agvanom Dorzhievym vopro-su ob uchrezhdenii russkogo konsul'stva v Tibete v Da-cinlu; O naznachenii Rabdanova v Sychuane / dragomanom shtatnogo agentstva na D. Vostoke); d. 1454 (O priezde Dalaj-lamy v Urgu i raznaya perepiska po semu predmetu s Imperatorskoj missiej v Pekine i Konsul'stvom v Urge).

Centr vostochnyh rukopisej i ksilografov IMBT SO RAN (CVRK IMBT SO RAN): obshchij arhivnyj fond (OAF), d. 2906 (Pubaev R. E. Dnevniki puteshestviya Buddy Rabdanova v Vostochnyj Tibet (1903–1904)); f. M-1, d. 1262 (Bubeev D. Kratkaya zapiska o Bude Rabdanove, pervom uchenom iz 8 aginskih rodov).

Andreev A. I. Tibet v politike carskoj, sovetskoj i postsovetskoj Rossii / A. I. Andreev. – SPb.: Izd-vo SPbGU; Izd-vo A. Terent'eva «Nartang», 2006. – 464 s.

Badagarov Zh. «Durnazaha hizaarajazhatүrel» sonintobesheg» – Buryaad-Mongolojniigem, ulastүre, helenejorshonүezheltenanhanajalham [Buryat-mongol'skaya gazeta «Zhizn' na Vostochnoj okraine» – pervyj shag k modernizacii yazyka i obshchestva] / Zh. Badagarov // Ynenүүrge [Vysokaya missiya]. – Ulan-Ude: Buryaad үnen Heblelej bajshan, 2021. – S. 16–32.

Dorzhiev A. Avtobiografiya / A. Dorzhiev // Rossiya i Tibet: sb. rus. arh. dok., 1900–1914. – M.: Vost. lit-ra, 2005. – S. 36–43.

Dorzhiev Zh. D. Gombozhab Cybikov / Zh. D. Dorzhiev, A. M. Kondratov. – Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1990. – 240 s.

Zhalsanova B. C. Namdak Dylykov – vidnyj buryatskij obshchestvennyj deyatel' konca XIX – nachala XX v. / B. C. Zhalsanova // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN. – 2015. – № 4(20). – S. 27–42.

Zhigmitov D. Perepiska G. C. Cybikova / D. Zhigmitov // Novosti Aginskih kraevedov. Zapiski Zabajkal'skogo filiala Geograficheskogo obshchestva SSSR. Vyp. 1. – Chita, 1971. – S. 63–72.

Za kulisami carizma. Arhiv tibetskogo vracha Badmaeva / pod red. i so vstup. st. V. P. Semennikova. – L., 1925. – 175 s.

Interiorizaciya sovetskoj modeli v tradicionnyh soobshchestvah Buryat-Mongolii (1920–1930 gg.) / otv. red. B. V. Bazarov; nauch. red. A. M. Plekhanova. – Irkutsk: Ottisk, 2021. – 416 s.

Lomakina I. Velikij beglec / I. Lomakina. – M.: Dizajn. Kartografiya. Informaciya, 2001. – 288 s.

Markov S. N. Dnevnik Gombochzhaba Cybikova» / S. N. Markov // Vechnye sledy. – M.: Molodaya gvardiya, 1973a. – S. 381–385.

Markov S. N. Pis'mo iz Vostochnogo Tibeta / S. N. Markov // Vechnye sledy. – M.: Molodaya gvardiya, 1973b. – S. 353–358.

Obruchev V. A. Grigorij Nikolaevich Potanin. Zhizn' i deyatel'nost' / V. A. Obruchev. – M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1947. – 192 s.

Obruchev V. A. Puteshestviya Potanina / V. A. Obruchev. – M.: Molodaya gvardiya, 1953. – 192 s.

Potanin G. N. Ocherk puteshestviya v Sychuan' i na vostochnuyu okrainu Tibeta v 1892–1893 gg. / G. N. Potanin – SPb.: Tip. V. Bezobrazova i Ko, 1899. – 106 s.

Pubaev R. E. Dnevniki puteshestviya Buddy Rabdanova v Vostochnyj Tibet (1903–1904 gg.) / R. E. Pubaev // Istoriko-kul'turnye svyazi narodov Central'noj Azii. – Ulan-Ude, 1983. – S. 21–28.

Uhtomskij E. Iz oblasti lamaizma. K pohodu anglichan na Tibet / E. Uhtomskij. – SPb.: Parovaya skoropechatnya «Vostok», 1904. – 129 s.

Shaumyan T. L. Rossiya, Velikobritaniya i Tibet v «Bol'shoj igre» / T. L. Shaumyan. – M.: Tov-vo nauch. izd. KMK, 2017. – 174 s.

Goldstein M. C. A History of Modern Tibet, 1913–1951: The Demise of the Lamaist State / M. C. Goldstein; with the help of Gelek Rimpoche. – Berkeley: University of California Press, 1989. – 898 p.

Lamb A. The McMahon Line: A Study in the Relations between India, China and Tibet, 1904 to 1914: in 2 vol. / A. Lamb. – London: Routledge & Kegan Paul Toronto: University of Toronto Press, 1966. – 656 p.

Tsomu Y. The Rise of Gönpo Namgyel in Kham: The Blind Warrior of Nyarong (Studies in Modern Tibetan Culture) / Y. Tsomu. – Lanham, Lexington Books, 2015. – 402 p.

Zhanaev A. Marginal diplomacy at the twilight of empires: the case of Tsogto Badmazhapov (1879–1937) and the Alasha Banner of Inner Mongolia / A. Zhanaev // Inner Asia. – 2026. – Vol. 28.2. (forthcoming 2026)

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.02.2026;
одобрена после рецензирования: 20.02.2026;
принята к публикации: 17.03.2026.

Date of the article submission to the editorial board: 06.02.2026;
approved after reviewing: 20.02.2026;
accepted for publication: 17.03.2026.